

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск V

Стояние на реке Угре 1480-2015

ЧАСТЬ I

Санкт-Петербург
2015

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск. V. Стояние на реке Угре 1480-2015 — Ч. I. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_5>

© www.milhist.info

© Пилипчук Я.В.

ББК 63.3

УДК 94(47).035=161.1(045)"653"(47)

Пилипчук Я.В. Чужая война. Иван III и татары глазами польских и литовских хронистов

Статья посвящена тому, как польские и литовские источники освещали взаимоотношения между русскими и татарами при Иване III. Основная концепция этих взаимоотношений была сформирована Яном Длугошем. Хронист отмечал, что татарское иго довлело над Русью со времен Витовта и до 70-х гг. XV в., а Иван III смог от него освободиться. Мацей Стрыйковский был единственным польским хронистом, сообщившим о Стоянии на Угре. Само Стояние на Угре не упоминалось другими польскими хронистами

Ключевые слова: хронисты, Ян Длугош, Великое Княжество Московское, Михалон Литвин, татары, Большая Орда.

Автор: Пилипчук Ярослав Валентинович, младший научный сотрудник Отдела Евразийской степи Института востоковедения им. А.Ю. Крымского НАН Украины, кандидат исторических наук.

pylypchuk.yaroslav@gmail.com

Литература, использованная в статье:

Długosz J. Dziejów Polskich ksiąg dwanaście / Przekład K.Mecherzyńskiego — Kraków, 1870.

Kronikapolska Marcina Kromera biskupa Warmińskiego Księg XXX. — Krakow, 1882.

Kronika Polska Marcina Bielskiego. — Sanok, 1856.

Стрийковський Мацей. Літописпольський, литовський, жмудський і всієї Руси. — Львів. 2011.

Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. — Киев, 1890.

Полное собрание русских летописей. — М., 1975. — Т. 32.

Ссылка для размещения в Интернете:

<http://www.milhist.info/2015/09/23/pilipchuk>

Ссылка для печатных изданий:

Пилипчук Я.В. Чужая война. Иван III и татары глазами польских и литовских хронистов [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. I. — С. 100-108 <<http://www.milhist.info/2015/09/23/pilipchuk>> (23.09.2015)

Pilipchuk J.B. A Foreign War: Tsar Ivan III as Depicted by Polish and Lithuanian's chroniclers

The article analyzes Polish and Lithuanian primary sources as they depict foreign relations between the Russians and Tartars under the Muscovy Tsar Ivan III (r. 1462-1505). The author reveals that the major concept of these relations was formulated by a Polish historian and diplomat Jan Długosz who shows that the Tartars expansion over the Russian territories existed since the era of Vytautas, Grand Duke of Lithuania (r. 1392-1430) but only Ivan III managed to overcome the Tartars. On the other hand, Maciej Strykowski was the only Polish writer who revealed some details about The Great Standoff on the Ugra river (October 1480), which is usually omitted by other Polish contemporary chroniclers.

Keywords: chroniclers; Jan Długosz; the Grand Duchy of Moscow; Michalon Lituanus; Tartars; the Great Horde.

Author:

Jaroslav B. Pilipchuk is a history professor who specializes on the Euro-Asian steppes; he is a fellow researcher of the Oriental Institute, The National Academy of Sciences of Ukraine.
pylypchuk.jaroslav@gmail.com

References:

Długosz J. *Dziejów Polskich ksiąg dwanaście / Przekład K. Mecherzyńskiego* — Kraków, 1870.

Kronikapolska Marcina Kromera biskupa Warmińskiego Księg XXX. — Krakow, 1882.

Kronika Polska Marcina Bielskiego. — Sanok, 1856.

Стрийковський Мацей. *Літописпольський, литовський, жмудський і всієї Русі.* — Львів, 2011.

Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси [Memoirs relating to the history of South Russia]. — Киев, 1890.

Полное собрание русских летописей [Full collection of Russian Chronicles]. — М., 1975. — Т. 32.

Internet link:

<http://www.milhist.info/2015/09/23/pilipchuk>

Reference:

Pilipchuk J.B. A Foreign War: Tsar Ivan III as Depicted by Polish and Lithuanian's chroniclers [Electronic issue] // *History of military arts: researches and sources.* — 2015. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol.I. — P. 100-108 <<http://www.milhist.info/2015/09/23/pilipchuk>> (23.09.2015)

Я.В. Пилипчук

ЧУЖДАЯ ВОЙНА

ИВАН III И ТАТАРЫ

ГЛАЗАМИ ПОЛЬСКИХ

И ЛИТОВСКИХ ХРОНИСТОВ

Художник А.В. Красников

Одним из знаковых событий конца XV в. для Восточной Европы стало «стояние» на Угре. Оно явилось своеобразным водоразделом в отношениях русских и татар. Говорить о вассальной зависимости Москвы от какого-либо татарского юрта после 1480 г. уже нельзя, а московские «поминки» крымским Гиреям отличались от выходя-хараджа золотоордынским ханам. Вопрос об освобождении Русского государства от татарской власти достаточно хорошо исследован российскими учеными, а также британскими и американскими русистами в англоязычной историографии. Целью данного исследования является анализ текстов польских и литовских источников, рассказывающих о русско-татарских отношениях перед «Стоянием на Угре».

Анализ сохранившихся в польской и литовской традиции сведений о русско-татарских отношениях времен, предшествовавших «Стоянию на Угре», позволяет сделать предположение, что первооснову их описания заложил Ян Длугощ в «Истории Польши». Он писал, что еще со времен Витольда (Витовта)-Александра татары наложили на Московию тяжкое ярмо. Сам князь выходил навстречу послу и даже слугам хана, которые прибывали в Москву под поводом сбора дани или по какой-либо иной причине. Великий князь пешим встречал сидевших на конях татар, подавал им чашу с кобыльим молоком, если же капля молока капала на гриву коня, то князь был обязан ее слизать. Татарские гонцы и переводчики читали указ хана. Под ноги им стелили меха соболей, а великий князь, младшие князья и вельможи стояли на коленях и с унижительной покорностью были вынуждены слушать приказы варваров. А на войне против христиан московиты были вынуждены воевать на стороне татар. Но, по словам хрониста,

великий московский Иван III освободил страну от ордынского ига¹. О стоянии на Угре, при этом, в хронике нет ни слова, поскольку Длугош умер раньше него.

Сведения Яна Длугоша стоит понимать так, что со времен Едигея Московия находилась в большей зависимости от Золотой Орды, чем украинские земли Великого княжества Литовского, но эта зависимость была свергнута Иваном III. Ян Длугош пишет об этом в 1479 г., но поскольку в тот год ничего в русско-ордынских отношениях не поменялось, скорее всего, речь идет о победе русских над татарами под Алексином в 1472 г. и решительном прекращении в эти годы Русью выплаты орде дани.

Использовавшие Длугоша при составлении своих хроник Марцин Кромер и Марцин Бельский, скопировав его информацию, вероятно, имели в виду то же событие. В их изложении сюжет об унижительном для великого московского князя характере даннических отношений выглядел следующим образом. Так, Марцин Кромер писал, что великий московский князь Иван владел обширным княжеством, которое, однако, зависело от заволжских татар. Он вынужден был служить и платить дань татарам. Деньги он платил послам или гонцам татарским. Те прибывали на конях, и великий князь был вынужден вести коня под уздечку, сам же оставался пешим. Чашу с кумысом князь подавал с низким поклоном, если капля кумыса капала на гриву коня, то ее князь должен был слизать. Место под татарским послом устилалось соболями, а сам князь с боярами был вынужден стоять на коленях. Великий князь не имел права послушаться ни одного приказа хана, даже если бы он вел их войной на христиан, которые были друзьями или приятелями великого князя. Иван не смог терпеть этого ярма и, послушавшись своей жены греческого происхождения, он восстал против татар и скинул их власть над собой². Отметим также, что сюжет о решающем влиянии греческой жены Ивана III в деле свержения ордынской зависимости с подачи Марцина Кромера (и позднее отразившийся даже в записках австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна) стал популярен, он неоднократно будет встречаться в польских хрониках. Кроме того, известно, что данная история про Софью Палеолог упоминается и русским историком XVIII в. В.Н. Татищевым, но тот, вероятно, тоже опирался на сведения вышеупомянутых иностранных авторов.

Не исключено, что Кромер хотел показать великого князя нерешительным человеком, находящимся под откровенным влиянием жены, что в патриархальном средневековом обществе не считалось хорошим тоном.

Современник Кромера, Марцин Бельский, в своей хронике писал, что предки Ивана III находились в тяжелой зависимости от заволжских татар. Отмечалось, что когда татарский посол въезжал в Москву, то к нему пешком выходил князь и брал под уздцы коня. Он выносил чашу с молоком кобылы, и если посол проронит хотя бы каплю кумыса, то князь должен был ее слизать. Великий князь не имел права отказать хану, а гонцу, который читал письмо хану, нужно было постелить под ноги меха. По первому требованию хана князь должен был поддержать хана на войне. Но Иван возмутился против этого и под влиянием своей греческой жены он восстал против него³.

Схожим с предыдущими выглядит и описание Мацея Стрыйковского. Он писал, что хотя Иван Васильевич вступил на престол великого государства, но оно в тот момент находилось в вассальной зависимости от татар. Когда в Москву приходили послы или гонцы за данью правитель был вынужден пешим выходить им навстречу, давать чашу кумыса, низко кланяться и бить челом. Место, где должны были стоять толмачи, зачитывавшие ханскую грамоту, князь должен был выстлать соболями, а сам князь со своими боярами слушали письма хана, низко кланяясь и припадая на колени. Великий князь не мог отказать в услуге татарам и был вынужден идти войной против своих братьев-христиан. Иван Васильевич, *«муж отважный и храбрый рыцарь»*, за что его называли Великим, не хотел терпеть этой неволи и по совету своей греческой супруги освободился, подчинил другие русские княжества, Новгород и захватил часть земель Литвы. В сведениях Мацея Стрыйковского датой событий указан 1477 г. Польский хронист указывал, что русское войско было готово к войне с литовцами и было хорошо закалено в боях, поэтому Казимир IV не отваживался идти на него войной. Новгород и несколько княжеств, принадлежащих ранее литовцам, перешли к москвитам. Новгород, правда, на самом деле, к Литве никогда не отходил, но хронист, вероятно, имел ввиду события 1471 г., или 1479 г., когда Иван III жестко пресекал попытки части новгородцев передать край под покровительство Казимира Ягеллончика,

Татарский мурза. XV в.
Рис. Красникова А. В., 2015 г.

или же присоединение Новгорода к Москве в 1478 г. Отмечалось, что заволжский хан ожидал короля на Угре, но Иван сумел подкупить ханского полководца Тимура и отправил хану дары, которые он не выплачивал несколько лет.

Следует отметить, что сходный сюжет с участием того же самого ханского мурзы «*Темира*» упоминается и в известном рассказе Вологодско-Пермской летописи. Вот только, согласно русскому источнику, хану передавалась не вся невыплаченная дань, а всего лишь «*тешь*», но, согласно русскому источнику, хан ее не принял, заявив, что требует повиновения со стороны русского князя и полного погашения задолженности по неуплате дани, которую князь не присылал вот уже восьмой год. После этого и Тимур-Темирь вернул назад свои дары русскому послу Товаркову, и противостояние русского и татарского войска на берегах Угры продолжилось далее. По-видимому, Стрыйковский и русский летописец имели в виду один и тот же сюжет. Но версия Вологодско-Пермской летописи кажется более логичной, поскольку в противном случае в русских источниках сохранились бы сведения об экстренном сборе дани за 7 лет. Кроме того, если бы Иван III в самом деле выплатил недоимки, то в дальнейшем он должен был бы продолжать ежегодно платить дань потомкам Ахмата, чего, однако, не произошло. (*Подробнее об этом см. в статье М. А. Несина в данном специальном выпуске.*) Вероятно, сведения об осенних русско-татарских переговорах дошли до польского хрониста в искаженном виде, или он нарочно старался показать русских слабыми, умеющими только откупаться от неприятеля.

Далее согласно Стрыйковскому, хан вернулся назад в свои владения, где его зарезал Тимур за подарки, полученные от великого князя московского⁴. На самом деле Ахмат был убит сибирским ханом, отнявшим у него не русские дары, а награбленное на обратном пути в Литве добро. Но так как Ахмат внезапно был захвачен в собственной ставке, не исключено, что его действительно предали в собственном окружении.

Длугошевскую версию перенял и Михалон Литвин (правда, не упомянувший Стояния на Угре) В его сочинении сообщалось, что князь москвитян выходил навстречу послу и сборщику налогов. Князь брал под уздцы коня посла, посол татар садился на престол, а сам московский

правитель стоял на коленях. Отмечалось, что заволжские и перекопские татары называли князя своим холопом, впрочем, без основания. Указывалось, что великий князь завоевал Тверь и Рязань, а потом отнял часть литовских земель (земель Великого Княжества Литовского), включая Новгород, и дал отпор татарам⁵. При этом необходимо сказать, что сочинение Михалона Литвина было во многом дидактическим сочинением. Автор видел пороки в Великом Княжестве Литовском, но не отмечал их в Московии и Крымском ханстве, а наоборот, ставил храбрость московитов в пример своим литовским соотечественникам в пример, что совсем нетипично для литовских и польских хроник⁶.

Если проанализировать сведения белорусско-литовских летописей, то они мало интересуются историей русско-татарских отношений, кроме тех моментов, когда литовцам, полякам, русинам и русским приходилось противостоять татарам⁷. Поэтому, к примеру, из русско-татарских конфликтов, пожалуй, только битва на Куликовом поле в 1380 г. заинтересовала литовцев так же, как битва под Суздалем в 1445 г. Описание последней есть в Хронике Быховца, Летописи Литовской и Жмойтской, летописи Красинского, летописи Рачинского, Румянцевской, Ольшевской и Евреиновской летописях. Оно попало на страницы этих хроник потому, что великий князь литовский Казимир в это время конфликтовал с великим московским князем, и так совпало по времени, что ордынцы атаковали русских с другой стороны.

Лишь в одной белорусско-литовской летописи русско-ордынский конфликт времен Ивана III получил отражение. В «Хронике Литовской и Жмойтской» свержение татарского владычества над Русским государством не датировано, зато сказано, что великий князь Иван Васильевич (Иван III) получил от предков великое государство, но был вынужден, когда прибывал татарский посол за данью или по иным поручениям, выходить навстречу послу и подавать кубок с кобыльим молоком с большим поклоном и челобитьем, а переводчику, читавшему ханскую грамоту, подложить для сидения лучших соболей и потом, слушая ханское послание, бить челом и падать на колени. В летописи также было отмечено, что московский великий князь не смел возражать послам, и если они требовали идти войной на христианскую страну, то и это требование выполнять. При этом летописец подчеркивал, что Иван III был смелый и доблестный воин, подчинивший пограничные

со своими землями крепости и уделы и Новгород, и потому, не желая терпеть эти тяжкие повинности, сбросил их с себя. Это описание основано на более ранних польских хрониках, а сама «Хроника Литовская и Жмойтская» была написана лишь в XVII в. и является вторичной по отношению даже для Мацея Стрыйковского⁸.

Таким образом, можно отметить, что Стояние на Угре фактически не освещалось польскими хронистами, да и русско-татарские отношения описывались весьма выборочно и непоследовательно, ведь для литовцев и поляков они были делом десятым. Их куда более интересовали события на Балканах, связанные с созданием антитурецкой коалиции, и война в Пруссии. Однако в польских хрониках присутствует сюжет с описанием татарского владычества над русскими, который был запущен в оборот политической и исторической мысли Великого Княжества Литовского и Короны Польской Яном Длугошем.

Среди поляков было два варианта этого рассказа — от Длугоша и от Стрыйковского. При этом Марцин Кромер почти дословно переписывал текст Длугоша, убрав при этом такую деталь как сильная зависимость русских от Золотой Орды с времен Витовта/Витольда. Мацей Стрыйковский, сохраняя сам рассказ о встрече татарских послов в Москве, в отличие от своих предшественников, упоминал о стоянии на Угре. Иван III изображался Мацеем Стрыйковским как сильный правитель и мужественный воин, а вовсе не как нерешительный монарх, что характерно для поздней польской традиции. Но тем не менее, победа на Угре была, по его рассказу, куплена русским князем за взятку. Это может быть как результатом искаженной передачи переговоров между русскими и татарами, отраженных также в русском источнике, так и, возможно, нарочитым стремлением представить русских на самом деле не очень серьезными воинами, способными разрешать военные конфликты только за мзду.

Версия Мацея Стрыйковского повторилась в Хронике Литовской и Жмойтской (правда, без упоминания Стояния на Угре). При этом анонимный автор этой хроники добавил еще ряд деталей в повествование, которые были призваны показать рабскую зависимость русских от татар, что, конечно же, было далеко от правды.

Михалон Литвин старался в своем сочинении соединить версии Длугоша и Стрыйковского, добавляя в рассказ дидактическое

напутствие своим литовским современникам, как нужно противостоять татарам, апеллируя к историческому прошлому москвитов, которые зависимость от татар свергли.

Прочие польские хронисты, равно как и составители литовско-белорусских летописей, остались равнодушны к этому событию, так же как и к истории русско-татарских отношений кануна «Стояния на Угре». Так, к событиям 70–80-х гг. XV в. испытывали равнодушие Мацей Меховский, Бернард Ваповский, Александр Гваньини, которые не скопировали рассказа у Длугоша и его позднейших переписчиков.

Характеризуя описание зависимости русских от татар в сочинениях польских хронистов, от Длугоша до Стрыйковского, отметим, что описание зависимости русских от татар на наш взгляд, скорее напоминало политизированный памфлет, чем детальное описание реально существовавших вассальных отношений. Во всяком случае, во времена Ивана III и его отца отношения с ханами уже были далеко не такими, как описывают польские авторы. Ведь ни Иван III, ни его отец Василий Темный уже не посылали своих воинов для участия в ордынских походах. При этом самостоятельность Ивана III в деле свержения ига подвергалась сомнению — на первое место выдвигалась Софья Палеолог, его жена-гречанка. Это, вероятно, была информационная война XV–XVI вв. Один лишь Михалон Литвин повторяя данные поляков, тем не менее, возвеличивал русских и ставил их в пример литовцам, как тех, кто смог освободиться от власти неприятелей и добился успеха, в то время как Великое княжество Литовское пришло в упадок.

Ссылки

¹ Długosz J. *Dziejów Polskich ksiąg dwanaście* / Przekład K. Mecherzyńskiego — Kraków, 1870. — Т. 5. — Кс. 12. — S. 657–658.

² *Kronikapolska Marcina Kromera biskupa Warmińskiego Ksieg XXX*. — Krakow, 1882. — Т. 2. — S. 1294–1296.

³ *Kronika Polska Marcina Bielskiego*. — Sanok, 1856. — Т.2. — S. 877–878

⁴ Стрийковський Мацей. Літописпольський, литовський, жмудськийівсієї Руси. — Львів. 2011, — С. 788–790.

⁵ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. — Киев., 1890. — Вып.1. — С. 79–79.

⁶ Там же.

⁷ Полное собрание русских летописей. — М., 1975. — Т. 32. — С. 72–76, 78–81, 86, 89–94, 97–102, 104–106, 160, 162, 164, 168–172.; ПСРА — М., 1980. — Т. 35. — С. 24–31, 41–61, 66–67, 73–84, 91–92, 101, 131, 138–144, 148–150, 160–170, 196–213, 217–218, 229–238.

⁸ Там же. — С. 92.